

Ирина Тяглова

Непрошенный лунный свет

16+

Ирина Геннадьевна Тяглова

Непрошенный лунный свет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62316797

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга "Непрошенный лунный свет" состоит из стихов о Родине, любви, природе, содержит рассказы, основанные на реальных событиях, с глубоким психологическим содержанием, несущим в себе моральные и нравственные уроки.

Содержание

Родина	5
Сибирь	7
Деревенский вечер	9
Юность	11
Пасха	13
Пасхальное утро	14
Сыну	15
Не подражайте	16
8 марта	17
Весенней серенады трель	18
Жизнь-река	20
«Матушка-Россия сиротливо...»	21
Рождество	23
Раздумье	25
Жизнь	27
Ночь	28
Киренск	29
День учителя	31
Осеннее настроение	33
Река	34
Судьба	35
Женское счастье	36
Весенняя суматоха	38

Рождественский вечер	40
Женщина с цветами в руках	41
Мамина песня	42
Мама	44
По дороге войны	45
Ветеранам	47
Письмо с войны	48
Вспомним всех с благодарным поклоном	50
Война	51
Май победный	53
23 февраля	54
Лесное затишье	55
Осенний каламбур	56
Осень-лицедейка	57
Первый звонок	58
Размышления под Новый год	59
Новый год	61
Рождество	62
Пожилой человек	63
Непрошенный лунный свет	65
Вулкан	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Родина

Я иду по широкому полю,
И дышу пьяным запахом трав,
Были б крылья – рвануться на волю,
Чтобы птичий почувствовать нрав!

Созерцать бы просторы родные,
Слушать голос своих земляков,
И увидеть глаза бы России,
С цветом чистых святых родников.

Нету равных невиданной силе,
Здесь не любят врагов и оков,
Если честь человека в мундире,
Значит, это из глуби веков!

В каждом колосе влитое солнце,
И небесный разлив в васильках,
Горстью черпаю синь из колодца,
И прохлада струится в руках.

Я склоняюсь над тонкой былинкой,
Здесь не просто Россия – здесь дом!
Вижу Родину в хвойной косынке,
Совсем рядом, над чистым прудом.

Я иду с ней дорогой тернистой,
Где – ухабом, а где – колеёй,
И пускай этот путь каменистый
Я горжусь моей светлой землей!

Сибирь

Родная земля, край суровый – Сибирь!
Здесь песни поет красногрудый снегирь.
На хвойных ресницах дрожит серебро,
Мороз рассыпает чудное добро!

Таежное эхо в горах залегло,
И в воздухе звуки дробит, как стекло.
Стальные ветра прилетают в Сибирь,
И снег превращается в звездную пыль.

А стужа устало прильнет на окно,
Раскинет свое ледяное сукно,
Забросит на ветки платок расписной,
На старой сосне ткет узор кружевной.

И здесь сибиряк начинает свой путь,
Он с детства вкусил соли северной суть.
Сибирские люди крепки и сильны —
Они из надежной и крепкой струны.

А ветер протяжной свирелью звучит,
То пляшет с размахом, то в двери стучит.
Вальсирует вьюга средь млечных полей,
Сибирь – это Родина жизни моей!

Деревенский вечер

Щурится закат у горизонта
Розоватым оком у реки,
Молодежь бренчит гитарой звонко,
И сидят на лавках старики.

Деревенька словно распахнулась,
Нотками ударив в небеса,
В пляс пустились парень и девчонка,
Жгут друг друга милые глаза.

Тянет запах свежескошенного сена
И полынь дыхание горчит,
Сумерки ложатся постепенно
Бережно скрываясь у раки.

Дышит поле призрачным туманом,
Наполняясь сладкою росой,
И несется над деревней плавно
Песня о судьбине непростой.

Вспыхнул огонек в смольных поленьях,
Искрами вокруг засеребрил,
Шевельнулись сумрачные тени,
Распластав полет раскрытых крыл.

За околицей гармоника играет,
И деревня здравствует, живет,
И корнями новыми вращает
И по-русски землю бережет.

Юность

Зимний вечер метет поземкою,
Завывает у дымных труб.

Снова вижу себя девчонкою,
Да бегущей на танцы в клуб.

И подружки мои румяные,
Все им шутки, да звонкий смех,
Ветер шквальный, а мы – упрямые
Бороздим под ногами снег.

А сугробы лежат подушками,
Что ни шаг – по колено в снегу,
Только молодость наша дерзкая
Побежит и в мороз и в пургу.

Только сердце влюбленное ухает,
О милом, что волнуется, ждет
В те минуты такие далекие,
Нам, казалось, что сказка живет.

На ресницах – застывший иней,
Легкий пар – из горячих губ,
А в глазах васильково-синих
Отраженье моих подруг.

Ах, ты, юность моя счастливая,
За спиною мне дышит вслед,
Только зеркало шаловливое
Не скрывает прожитых лет.

Трудно в ногу идти со временем,
Ну а, если душа взгрустнет,
Я представлю тот вечер зимний,
Вновь от памяти сердце поет.

Пасха

Я на Пасху пеку куличи,
Пышет жаром ручное творенье.
Льется воск у зажженной свечи,
Под молитвенное настроенье.

И такая в душе благодать,
Словно видишь Божественный сон —
Ангел сходит с небес, чтоб подать
Колокольный церковей перезвон.

Праздник этот трезвон возвещает,
И сердца наполняет теплом.
Троеперстно рука осеняет
Благодарно в поклоне земном.

А над миром победно ступает,
Как великая сила Креста,
Пасха Светлая, Пасха Святая —
Воскресенье Иисуса Христа!

Пасхальное утро

Пасхальное утро венчает зарю,
Сегодня раздолье в церквях звонарю.
Ликует природа, ликует весь род —
Христовая Пасха над миром встает!
В румянном рассвете горят купола,
И веточка вербы чуть-чуть расцвела.
И птицы щебечут, садясь на забор,
Вплетаются с пением в ангелов хор.
Как благоден он – Воскресенья приход!
Христовую Пасху встречает народ!

Сыну

Заалела заря на востоке,
В окна хлынул малиновый свет,
Снова надо будить на уроки,
Благо – с этим проблемы и нет.
Быстрый завтрак – все время в цейтноте!
Но всегда провожу за порог:
– Мам, удачи тебе на работе!
– И успехов тебе, мой сынок!
Вот уже и экзамен на зрелость,
Да и ростом стал больше вдвойне,
Все ж, склонясь над моей головою,
Прикоснешься щекою ко мне.
Будут встречи, разлуки, беседы,
Как всегда незадавшийся спор,
Бросив в сумку спортивную кеды,
Ты обнимешь, прервав разговор...
Вечер, внуки в колени уткнутся,
Небосвод полыхнет кумачом,
Ну а мы, как и в детстве, присядем,
Прислонившись, друг к другу плечом.

Не подражайте

Не подражайте, никому не подражайте!
Храня в себе единственный секрет.
Вы с губ чужих елея не желайте,
И не желайте чьих-нибудь побед.

Смотрите в этот мир великодушно,
Природа в каждом пишет свой портрет,
И если вдруг с одним сегодня скучно,
Другой добавит в жизнь свой куплет.

Не подражайте, никому не подражайте!
Сумейте сохранять авторитет,
И всякий вызов смело принимайте,
Найдется в споре истинный ответ.

И для кого-то быть неповторимым,
Неважно кто вы – пекарь иль поэт,
Когда вы кем-то искренно любимы,
То значит – для него вас лучше нет!

8 марта

Весна по-женски распахнула
Свои зеленые глаза,
И мартом праздничным сверкнула
Капельно-звонная слеза.

Запахла улица цветами,
В улыбках бродит солнца блик,
И вся природа возвещает:
У дня сегодня – женский лик!

Сорвав все зимние вуали,
В февральской бросив их дали,
Весна-маэстро туш играет
В честь славных Дочерей Земли!

Весенней серенады трель

Звонит прозрачная капель —
Весенней серенады трель,
И солнце, повернув в зенит,
Дробит заснеженный гранит.

А в переулках кутерьма —
8 Марта – праздник мам,
И посреди шипучих роз
Все млеют в нежности мимоз.

Но я хочу купить тюльпаны
Для самой близкой милой мамы,
Цветочную продолжу тему —
Возьму сестре я хризантему.

А дома бабушка пирог
Печет, и запах за порог
Струится сладостью малины —
Вручу я бабушке жасмины.

Иду я с радостной душой
В руках несу букет большой,
Значенье праздничное в нем —
Я дам поздравлю с Женским днем!

Жизнь-река

Кто не ведает, что слово убивает?
Слово бьет до глубины души!
И мишенью сердце выбирают
Слова гнева, слова злобы, слова лжи.

Кто не знает радости прощений?
Истинное чувство вечной доброты,
Не допустит дьявольских сомнений,
Погасив в себе огонь вражды.
Кто не чувствует потока временного?
Жизнь-река не держит прежних лет.
Как ни жаль, на склоне берега земного
Переправы у реки обратной нет.

«Матушка-Россия сиротливо...»

Матушка-Россия сиротливо
Затянулась туже пояском,
И походкой дряхлою уныло
Шествует по свету босиком.

На лице – печаль, в глазах – раздумье.
Руки к небу сложены с мольбой.
Кто желает твоего безумья
И чинит разлад с самой собой?!

Уж не те ль дельцы-политиканы,
Представляя власть, собой живут,
Да и «рвут» себе в свои карманы,
Не боясь предстать на Божий суд?

Все верховные чины – что за несчастье —
Норовят руководить судьбой твоей,
Так и тянут бедную на части —
Лебедь, Щука, Рак да Лиходей!

И когда же кончатся напасти:
Беспредел, безверие, вражда?
Так и ждешь зубов тигриной пасти,
Щелк хлыста – что станется тогда?!

Ой, Россия наша, Россиянка!
Что твоим потомкам передать?
Чтобы берегли тебя, родная,
Берегли, как Родину и Мать!

Рождество

Засверкали золотые купола
В приближении праздника святого,
Встанем, люди, от велика до мала,
Чтобы встретить Рождество Христово!

В каждом доме, в каждом Божьем храме
Огонек лампадный засветим,
И восславим Бога, христиане!
Господу по праву воздадим!

И помолимся всем миром со смиреньем,
Открывая каждый сердца суть,
Радуюсь Христову появлению,
Что нам указал к спасенью путь!

Искупитель наш, Спаситель, Утешитель,
Покаяния отверзи двери нам,
И очисти души, Покровитель,
Да восторжествует истина!

Пусть звонят церковей колокола
В новогодьи праздника святого,
Встанем, люди, от велика до мала,
Чтобы встретить Рождество Христово!

Раздумье

Растерзал, растрепал и развеял
Жизнь, что свыше нам Богом дана,
Взял и маску уродства приклеил,
И порочность на сердце одна.

Застучали часы отмеренно,
Забывая минуты в цель,
Так бежит на ходу подстреленный
От охотника раненый зверь.

Утомленный развратной ласкою,
Да за чаркой хмельного вина,
Ночь не кажется больше сказкою,
Да и днем на глазах пелена.

Мир наполнен духовной мудростью,
Только встань, да встряхнись ото сна,
Да охвачены чувства гордостью,
Между мной и тобою стена.

Заплутал на земле, и смиренно
Ищешь путь – Ариаднину нить,
Понимая, у края вселенной,
Что за все в жизни надо платить.

ЖИЗНЬ

Жизнь – всего лишь большая арена,
Где по кругу проносится путь.
Может быть это все-таки сцена,
На которой рождается суть?

Можно стать и великим актером,
Но, играя чужую роль,
Доверяем себя примерам:
Шут – вчера, ну а завтра – король.

Иногда и отпразднуем триумф,
Но бывает жестокий провал:
Тот, кто пел для тебя свои гимны,
На сегодня тебя освистал

А еще бы не кануть в забвенье,
И чужое обличье убрать.
Как же хочется все ж, без сомненья,
До конца свою роль отыграть.

Ночь

Месяц убаюканный
На спину прилег,
В небе тускло светится
Звездный уголек.
В серебристом сите
Ветра-сорванца
На дорогу сеется
Лунная пыльца.
Что-то тихо шепчет
Речка-бирюза,
У плаксивой ивы
Упадет слеза.
На ночные улицы
Темнота прильнет,
И погаснут окна,
И земля уснет.

Киренск

Киренск мой – Родина малая!
Легкий мотив на губах,
Сладкой росой наполненный,
Стебель травинки в зубах.

Ельники с детства знакомые,
С запахом хвойной смолы,
Стражники-кедры огромные
В небо вздымают стволы.

Реки вокруг норовистые,
Город в объятиях рук —
Лена да Киренга – быстрые,
Тесен союз двух подруг.

Киренск мой – Родина малая!
Хор пароходных гудков,
Льется на город мой зоренька алая,
Будит от сонных оков.

В каждое время по-своему
Край мой родимый суров,
Был он людьми все ж освоенный —
Остров – старинный острог!

Тихо шагаю по улицам,
Здесь мои корни – исток,
В сердце мелодия крутится —
Киренск, родной городок!

День учителя

Листопад роняет запах мяты,
Жжет рябина гроздь в октябре,
Потому что праздничною датой
День Учителя открыт в календаре.

Вот звенит звонок для всех обычный
И наставник – снова у доски
Знаниями делится привычно,
Мир его – его ученики.

Этот мир Учителя тревожит,
Как не выпасть слову из строки,
Так стремится он всю душу вложить
В эти детские и хрупкие ростки.

Будут ночи творчески бессонны,
Будут дни не очень-то легки,
Все же под руками неуклонно
И послушно шелестят мелки.

В самой гущи жизни просветитель,
И все силы отдает сполна,
Труд не прост со званием Учитель,
Каждому – высокая цена!

Осеннее настроение

То ли осень унылая,
То ли сердце остывшее,
То ли взгляд беспокойный,
То ли мысли вразрез.
То ли туча на душу
Упала из осени,
И дождями по нервам
Гвоздит полонез.
То ли птицею – в небо,
То ли в песне потреба,
То ли в стих запоздалый
Поставить строку,
Может все же убрать
Это все-таки «то ли»?
Да и слиться с природой
В янтарном стогу.

Река

По реке, по речке
Понесло шугу,
Суеются льдинки
Ежатся в фольгу.
Птицы улетели
Лето догонять,
Осень уступает
Зимушку встречать.
Замолкает речка,
Под хрустящим льдом
До весны спокойно
Спит стеклянным сном.

Судьба

Где судьба заблудилась – не знаю.
В мире много нехоженных троп.
Снова птицы сбиваются в стаи,
Клином ищут себе новый кров.

Как от мира ушедший отшельник,
Где-то истину ищет в пути,
В помощь только дорога да ельник,
Да спасительный крест на груди.

Так и бродит, предавшись сомненьям,
Под ногами – земная печать,
По разбитым мостам и камням,
Может, хочет мне что-то сказать?

Будет все, как в неведомой встрече,
Что нельзя ни понять, ни забыть,
И положив мне руки на плечи,
Свяжет нас судьбоносная нить.

Женское счастье

Женское счастье!? И есть ли в нём правда?
Это как лучшая в жизни награда!
Это – не замок воздушный из грез,
Это – действительность смеха и слез!

Сколько здесь страсти и сколько волнений!
Споров невысказанных, бури сомнений!
С ласковых взглядов, бросающих в дрожь,
До терпеливости, если жизнь – в грош.

Женское счастье!? Такое простое —
Слагают романы всегда только двое.
Незримо для мира, но всё ж на виду,
Счастье приемлет и боль, и нужду.

Верх воплощения – женщина-мать!
Разве о большем здесь можно мечтать?!
Если у самого края пути,
За руку дети будут вести.

Женское счастье – вот все оно здесь:
Это реальности жизненной смесь.
Это – не замок воздушный из грез,
Это – действительность смеха и слез!

Весенняя суматоха

Плачет ветхая Зима,
Окна плачутся в домах,
Плачут крыши, снежный ком,
И сугробы целиком.

Тает вялая Зима,
Снег сочится в закромах,
Слезно капают висюльки —
Бородатые сосульки.

И сутулится Зима —
К ней спешит Весна-кума,
По дорожке, на ледянке,
В разноцветной самотканке.

Солнце рыжее везет,
Топит хрупкий нежный лед.
Где сама прошла пешком —
Все слизнула языком.

Плачет, горбится Зима,
От нее лишь – бахрома,
И ложится гололедом
Под подошвами народа.

Только властная Весна —
Для Зимы она вредна.
Гонит ветер, гонит стужу,
Сушит слякотные лужи.

Желтогрудая синица
Ждет приход Весны-царицы,
Чтоб с природой в унисон,
Прочь развеять зимний сон.

Рождественский вечер

Под Рождество томятся свечи
В дрожащем отблеске огня.
А над землей колдует вечер,
Звездой Божественной маня.

В углах застынет запах ели,
Запляшут тени на стене,
В хвое качнутся карамели
С гирляндой, вспыхнувшей во тьме.

И серебристый ангелочек,
На ветке место обретя,
Нам суть явления пророчит:
Мир в ожидании Дитя!

А месяц, выгнувшись отрого,
Венчает яркую звезду —
За Рождество, за веру в Бога,
За воздаяние Христу!

Женщина с цветами в руках

Рисуют художники женщину в цвете,
То – с ликом небес, то – верхом на коне,
То – в шляпе старинной, то – скромно в берете,
И образ веками живет в полотне.

И пишут поэты о женщине-лире,
О той, что как музыка, льется в стихах,
И строки звучат упоенно в эфире,
Их сущность всегда остается в веках.

О женщине песни поют и слагают,
И скульптор ваяет её силуэт,
И каждый мужчина, конечно, мечтает
В любимой увидеть таинственный свет.

Пусть время идет, каждый раз все меняя,
Но всё же, живет эталоном в веках:
Будь она близкая, будь неземная,
Женщина просто с цветами в руках.

Мамина песня

С колыбели тянутся ручки малыша,
Льется с глаз невинных светлая душа.
Мама поцелует, ко груди прижмет,
Бессловесный голос только мать поймет.

С губ порхнет тихонько песня-мотылёк,
Задрожит, замается ярко камелёк.
И дитя наполнится благостным теплом,
Он укрыт надежно маминым крылом.

Плохо, если нету матери с тобой,
Тут уж не поспоришь с тяжкою судьбой.
Но незримой нитью связанной родной,
Прочное единство будет в жизнь длинной.

Если мама рядом – ждет в окошке свет,
Мы к нему слетаемся миллионы лет.
И никто на свете нас не разлучит,
Только неизбежность в двери постучит.

В сумасшедшем ритме, в суматохе дней
Мы не замечаем старость матерей.
Скоротечность времени явленным гонцом
Ляжет паутиной на ее лицо.

Хочется пригладить, возвратить тепло,
То, что с колыбели с матерью пришло.
Чтоб не гас, не меркнул яркий камелёк,
Пусть порхает мамина песня – мотылёк.

Мама

Кто нам на свете всех ближе, дороже?
Мама, что с песней весеннею схожа,
В мягких ладонях хранящих тепло,
Мама, с которой на сердце светло!

Может, здоров ты, а может – недужен,
Знаешь, что маме, любой будешь нужен.
Если оступишься – тоже не в счет,
Мама слезинку рукою смахнет.

Словом поддержит и мудрым советом,
Снова наполнишься внутренним светом.
Стар ты иль мал – для сынов, дочерей —
Нету дороже своих матерей!

По дороге войны

Война оставила жестокое наследство:
Сиротство, голод, слезы и нужду,
Смотрела взглядом взорванного детства,
Отложив в память горе и беду.

Следы войны на сопках и курганах,
На обелисках, вкопанных крестах,
На стенах, где в боях кровавых,
Мы занимали поправленный Рейхстаг.

Героям вера силы придавала,
И шли на смерть, не замечая ран —
Матросов, перекрывший амбразуру,
И Талалихин, совершающий таран!

Советский воин гнал мучителей-тиранов,
В свинцовом небе маялась заря,
Их столько полегло героев славных,
Но знаем мы, что было все не зря!

Не зря в блокадном городе держались,
Не зря летели эшелоны под откос,
А люди каждый день мужались,
И вспоминали мирный шум берез.

И верили, и ждали, и сражались,
И падали, но вновь вставали в строй.
Вовеки слава всем, Победу одержавшим,
И заслонившим Родину собой!

Ветеранам

Мы военных не слышали выстрелов,
Не искали в бомбежках укрытия,
Только хроника нашей истории
Отражает лихие события.

Как отцы наши, братья и деды,
И в родной и в чужой стороне,
День за днем приближали Победу,
Возвращая свободу стране.

Каждый шел по земле отчаянно,
Друг за друга стояли вдвойне,
Так вот тесно, по – братски спаянно,
Так вот прочно – спина к спине!

Будет помнить всегда человечество,
Ветеранов, кто выжил в войне,
Тех, кто пал, защищая Отечество —
Влился в список имен на стене!

Письмо с войны

Я читаю пожелтевшую страницу —
Треугольник запоздалый о войне.
И слетают буквы, словно птицы,
К фотографии отцовской на стене:
«Завтра в бой, за новую высоткой.
Будем бить фашистов до конца!
Ночь, хотя и кажется короткой,
Время все же есть для письмеца.
Что скучаю, и писать не надо —
Знаешь сам, как я тебя люблю!
Часто снятся домик и ограда,
Как я печку русскую топлю.
Ломоть хлеба, пахнувший тимьяном,
Рушником прикрытый на столе,
Для меня он сладкий самый,
Словно сок березы на стволе.
Завтра в бой! За Родину! За счастье!
Мир лишь добывается в борьбе!
Я не ранен, шрам лишь на запястье.
Буду жить, сынок, назло судьбе!»...
Письмецо, как крылья свиристели,
Плавно возвращается в изгиб...
Я не знал, тогда, еще в апреле,
Что отец мой в том бою погиб!

Вспомним всех с благодарным поклоном

Вспыхнул искрами круг небосклона,
День Победы России настал!
Вспомним всех с благодарным поклоном,
Кто за Родину насмерть вставал!

Наш народ-то сплоченное братство,
Что рождало Победу страны,
Ветеранам по-прежнему снятся
Отголоски далекой войны.

За погибших в бою за Отчизну,
Как в роду – из ладони в ладонь —
Сбережем поминальную тризну —
Символ памяти – Вечный огонь!

Война

Черный воздух над нашей страной,
Черной шалью легла пелена.
И не пахнет, как прежде, весной —
Затмевает тот запах война!

И уходят отцы наши, братья,
Вещмешок, да винтовка в руках.
Что их ждет? Да не знать бы!
Может завтра шагнут в облака?!

Только крест в уходящие спины
Жены, матери, молча кладут,
И несут на себе боль кручины,
Со слезами в глазах просто ждут!

Каждый день со щемящею болью
Будут вестника в доме встречать...
А потом, про себя, сжав всю волю,
Смогут заново жизнь начать.

Не согнувшись, не пав на колени,
Потому что он – русский народ!
У куста белопенной сирени
Будет сына мать ждать у ворот.

Май победный

День Победы весной в сорок пятом
В каждом городе рвался в эфир,
Четким голосом, твердо и внятно
Левитан возвещал в стране мир.

И летит этот голос сквозь годы,
И в бессмертье уходят полки,
Все же памятью живы народы,
Что прошли страшный путь земляки.

Май Победный навечно остался
В наших судьбах, и в наших сердцах,
В ветеранах, кто пал и сражался,
Кто пронес свою жизнь до конца!

23 февраля

23 февраля день окрасила заря,
Красной линией проходит
Он в листке календаря!
Кто границу охраняет,
Словно стражник вековой?
Наша Армия родная
Бережет Земли покой!
И несут здесь службу люди
Нашей Родины сыны,
Незаметны вроде будни
В жизни всей большой страны.
Но беда случится если,
Станет черным небосвод,
Наши воины сплотятся,
Грудью станут за народ!
Нашей Армией гордиться
Должен каждый человек —
Наш оплот земли Российской
Честь и слава ей вовек!

Лесное затишье

Лес осенний становится тише
Под сонливым журчаньем ручья,
Птичий щебет уж редкостно слышен,
Не кипит муравьев толчея.

Вянут ветки в седой паутине,
Морщат небо грозой облака,
На сырой травянистой щетине,
Дождь разбросил свои жемчуга.

Брызжут соком брусничные кисти,
Первобытный инстинкт бередя,
И парят отгоревшие листья
На застывшие слезы дождя.

Осенний каламбур

Серое небо, туман пеленой,
Воздух прохладной колышет волной.
Осень-художница кисти взяла,
Щедро палитру рукой развела.
Вспыхнули краски, смешавшись едва,
Лес обагрился, пожухла трава.
Хмурая Осень недолго ждала,
Пернатые стаи на юг погнала.
В реках с лихвой распугала плотву,
И расчесала с деревьев листву.
Глянула строго в осенний мольберт:
Где-то нехватка, чего-то здесь нет?
Ах, вот сейчас натяну тетиву,
Да и назначу Зиме randevу!

Осень-лицедейка

Тучи потянулись в небе змейкой.
Вздулись дождевые облака,
Наступила Осень-лицедейка,
Завернулась в пестрые шелка.

Режет листья, на ветвях вздыхает,
Гроздь у рябины обожгла,
А ночами на лугах скучает,
Где колдует сумрачная мгла.

Заберется в лес, под самый корень,
Шляпкою прикроется грибной,
И с брусникой встанет вровень,
С ягоды слизнув нектар хмельной.

А потом наряд свой обожженный
Скинет вглубь осеннего костра,
И пройдет гордо обнаженной
В паутине тонкой серебра.

Первый звонок

Сентябрь гоняет листву на дороге,
То шляпу сорвет, то развяжет шнурок,
Встречает звонком детвору на пороге,
Спешащую в школу на первый урок.

Торчит за плечами новехонький ранец,
И чубчик причесан, и косы в венце,
А солнце вплетает свой яркий румянец
В веснушки детей на задорном лице.

Несут ребятишки из лета букеты,
Бежит под ногами дорога-вьюнок,
А дети вдыхают все запахи цвета,
Чтоб просто запомнить свой первый звонок.

Размышления под Новый год

Ждет человек каждый раз Новый год,
Мыслит о новом и новое ждет.
Жизнь чередует – то ночь, то рассвет,
Люди надеются – счастья все нет!

Время стирает бесследно года,
Может, заглянем немного туда.
Твой первый шаг – не простое число,
Но раз шагнул – значит, время пошло.

Вот с ребятней ты играешь в лапту,
В жмурки – потом, а затем – в чехарду.
Вот и подростки с фасонами клеш,
И под гитару ты с ними поешь.

Первое чувство накрыло волной,
Чувствуешь, как обжигает весной?
Прямо из сердца исходят лучи,
Помнишь, как марш Мендельсона звучит?

Вот и работа, и дети и дом,
А мы все надеемся, все что-то ждем.
Жизнь извне посылает сигнал:
Кем ты мог быть, а ведь так и не стал?

Время торопит, считает часы,
Делит нам жизнь на две полосы:
В черной – нам плохо, скорее б забыть,
Светлую – хоть бы, подольше продлить!

Жить бы еще без проблем, перипетий,
В вихре хороших и славных событий.
Как же увидеть нам счастье в быту?
Дни встречать радостно в каждом году!

НОВЫЙ ГОД

Ткет мороз на окне свое кружево,
И узором вплетает во взор.
По дороге ледовой застуженной
Новый год к нам спешит из-за гор.

В ожидании чудесного праздника,
Пусть зажгутся у елки лучи,
Засверкает пространство гирляндами,
Фейерверками вспыхнет в ночи.

Каждый скажет заветное слово,
Пожелает на годы вперед,
Чтоб сбылось, чтобы чудо свершилось,
И счастливым чтоб был Новый год!

Рождество

Возвещая миру Рождество Христа,
В небе воцарилась яркая звезда.
Озарил пещеру светлый Спасов лик,
И Младенец к Матери ко груди приник.

Сгрудились ягнята скопом у яслей,
Греют Богоматерь, покоряясь Ей.
Глас хвалебной песни в трубах пастухов,
Щедростью проникнуты и дары волхвов.

Славят люди Бога, в долгожданный час
В таинстве священном к нам приходит Спас!

Пожилой человек

Дождь ломился в окна стервенело,
Дробно прошиваясь по земле,
По дороге дед спешил несмело —
Тростью тыкал, будто бы во мгле.

Он зашел в кафе, что у бульвара,
Тихо сел за столик в уголке,
Денег было откровенно мало:
Все богатство – в желтом медяке.

Капало с промокшей старой кепки,
Неуютно корчился пиджак,
Он убор положил на коленки
И достал размеренно пятак.

Вслушался в ударный ритм звука,
Трость поставил прочно у стола,
Осмотрелся, морщась близоруко,
Вдаль настенного зеркального стекла.

Все сверкало, пело, источало,
Деда разомлело от тепла,
Не заметил он, как трость упала,
И официантку привлекла.

Молодая юркая девчонка,
Что сновала шустро меж столов
К деду подошла и, став в сторонку,
Бросила всего лишь пару слов:

«Ваш заказ» – и глянула на столик,
Там лежал единственный пятак,
Сердце сжалось жалобно до боли,
Кепку нервно дед сжимал в кулак.

Повернувшись, мигом упорхнула,
Он уже собрался уходить,
Привставая медленно со стула,
Вдруг услышал: «Можно угостить?»

Он смутился, теребя кепчонку:
«Старику мне не забыть вовек!»
«Разве Вы старик?» – ответила девчонка
Просто пожилой Вы человек!

Непрошенный лунный свет

*Памяти моего деда Горбунова Ф. И.
посвящается*

Помни, Родина, нас всех, кто погиб невинно, будь милосердна и возврати нас из небытия...

– Федор, а Федор? Ты бы уехал куда-нибудь на время, – Таня говорила обеспокоенно, одновременно укладывая одиннадцатимесячных дочек-близняшек, – вчера забрали соседа Кузакова, а позавчера Лагутенко увезли. А ведь, сам знаешь, люди все приличные, добрые, никому худого не сделали, да и слов плохих от них ни разу не слышали. Я уж итак лишний раз на улицу не выхожу, плохое у меня предчувствие, Федя, надо тебе уезжать.

– Да что ты, Тата, куда мне ехать? В чем моя вина? – Федор с интересом читал местную газету и вникал в очередную статью о выполнении плана по сдаче пушнины государству. Он являлся диспетчером агентства «Лензолотопродснаб» и для него выполнение плана было первоочередным делом. – А потом как же я тебя одну оставлю с маленькими детьми? Нет-нет, давай больше не будем об этом говорить...

...А время действительно было напряженное, страшное. «Черные вороны» угрожающе фыркали моторами, сверка-

ли стальными боками, пронеслись по улицам. Их появление рождало тревогу и опасность. От них веяло смертоносностью. Забирали обычно тихо, ночью, чтобы не тревожить сон спящих граждан. Бесшумно. Палачи народа!

...В доме все уже давно спали. Угомонились даже близняшки, которые весь вечер капризничали и плакали по очереди. Уставшая Таня никак не могла уснуть. В голове вертелась уже давно поселившаяся мысль чего-то неизбежного. Она гнала от себя худые помыслы, но реальность брала за горло. Тогда она стала думать о завтрашнем дне, о поставленной в ночь квашне на хлеб, о недовязанной скатерти, о маленьких дочках. Забот ей хватало. Федор вставал рано, растапливал русскую печь, и Таня под мерное гудение огня в печи поднималась, совершала утренний туалет, повязывала голову газовой косынкой и ставила на выпечку хлеб, а потом собиралась на утреннюю дойку коровы. Между ней и мужем было редкое взаимопонимание, чего бы желала каждая семья. Федор был в чине юнкера, в свое время служил в царской армии у Колчака. Такие слова, как честь и достоинство, не были для него пустым звуком. Они жили уже больше десяти лет, а он ее ни разу ничем не обидел, все больше старался за ней ухаживать, а она отвечала ему той же любовью. Тане думалось, шутка ли, бывший белый офицер? Нынешняя советская власть никого не прощает, даже тех, кто перешел на её сторону. В груди саднило и резало сердце. Она пыталась успокоить разбушевавшиеся страсти, авось пронесет,

девчонок вон еще, сколько поднимать надо! А родственников не так много осталось. Мать она похоронила несколько лет назад, и сестра Анна скончалась от болезни, а отец погиб в аварии в прошлом году от пьяного водителя, как раз 1 мая, правда, были еще племянники, но они проживали в других городах. У каждого была своя жизнь, и редкое появление их в гости всегда было неподдельной радостью для всех. Таня посмотрела на оконные шторы, сквозь тонкую ткань она разглядела лупоглазую луну, ей показалось, что она смотрит прямо на нее. Полнолуние! Таня отвернулась к стене. Сон никак не приходил...

Даже сквозь полудрему она услышала скрип колес около дома, соскочила и бросилась к окну, ощущая, что ноги вдруг стали ватными, а тело беспомощным и вялым. Через калитку к ним шли люди в форме. Когда они застучали в дверь, Федор был уже на ногах. Дверь он открыл сам, Таня сидела на кровати, наспех накинув домашний халат. Вошли трое мужчин и, представившись работниками районного отдела УНКВД, предъявили ордер на обыск. Везде включили свет, один из сотрудников сходил за понятами и привел двух заспанных соседей Дьяконова и Кулебякина. От сковывающего их страха они только, молча, кивали головами. Федор сидел на табуретке у стола, а рядом с ним лейтенант заполнял протокол обыска. Таня на все смотрела, как сквозь пелену. Двое других сотрудников все вытаскивали из шкафов, чего-то упорно искали и тут же изымали, как-то: пас-

порта, профбилеты, облигации займа, сберегательную книжку, письма с перепиской с друзьями и родственниками, зарплату, которую Федору выдали накануне, и даже книгу большой советской энциклопедии. Все аккуратно записывалось в протокол, после чего он был подписан понятыми. Таня до конца надеялась, что это всего лишь обыск, но когда лейтенант закончил протокол, он незамедлительно огласил постановление на арест и предъявление обвинения по ст. ст.58–1а,58–2, она не выдержала и зарыдала. Ей тут же приказали замолчать, а иначе и ее заберут вместе с детьми. Таня бросилась к девочкам, ноги не слушались ее, она набросила на спинку кровати легкое одеяльце, чтобы дети не проснулись, и не испугались чужих людей. Слезы бежали по щекам, скапывались на шею и грудь, впитывались в рубашку а она их не чувствовала, только плотнее запахивала халат. Она бросилась собирать Федора, но ей сказали, что ничего лишнего не надо, потом можно будет передать. Федор одевался, сохраняя спокойствие, и утешал ее:

– Таточка, не переживай, все будет хорошо! Там разберутся и меня отпустят, я же ни в чем не виноват! А ты береги девочек, тебе сейчас будут нужны силы.

– Федя-я-я! Федя-я-я!!!

Но «представители закона» уже выводили за порог ее Федора. Ей даже не дали его обнять или хотя бы прикоснуться к нему. Все было по-тихому, бесшумно. Вышли понятые и за ними обреченно пошла Таня, на ходу набрасывая паль-

тишко. Лунный свет разливался по «воронку», и когда Федор садился в машину, он повернулся к ней в последний раз, как-то вынужденно улыбнулся... и всё!!!

Таня просидела до утра у окна. Она думала, что это ошибка, и Федю сейчас привезут обратно. Она смотрела на «свидетельницу» ночных трагедий, казалось, лунный свет навсегда застыл в ее глазах. Таня очнулась от плача близняшек, ей никак не хотелось возвращаться в реальность бытия, но она заставила себя встать и подойти к дочкам. Наступало утро, и пора было растапливать печь, ставить хлеб, доить корову, заниматься хозяйственными делами, не смотря ни на что. Деньги все забрали, надо было заботиться о хлебе насущном.

Несколько дней Таня ходила к воротам НКВД, чтобы передать одежду и еду. Она надеялась увидеться с Федором, но каждый раз ее останавливал дежурный, объясняя, что следователь не принимает, и вообще не велено приходить и что-либо приносить, так как особо опасным преступникам отказано в приеме передач и в свидании с родственниками. Она уходила оттуда вся опустошенная, еле сдерживая слезы, но природная выдержка не позволяла ей расслабляться на людях. Татьяна чувствовала изменившееся отношение соседей, разговоры за спиной и даже однажды расслышала приглушенное: «враги народа». Но нужно было продолжать жить дальше. Таня попыталась устроиться на работу, в свое время она с отличием окончила гимназию, до рождения дочек прошла курсы машинисток и бухгалтеров, умела шить, вя-

зять, плести кружева. Но и здесь она столкнулась с несправедливостью: жену «врага народа» нигде не принимали. Выручили влиятельные друзья – помогли устроиться кладовщицей в тубдиспансер. Так потянулись долгие, нескончаемые дни, месяцы ожидания. О Федоре ничего не было слышно совсем. Прошло полгода, за этот период Таня еще не раз приходила в НКВД, чтобы хоть что-нибудь разузнать о Федоре, но всегда получала один ответ: ничего не известно. Она не могла знать, что «особо опасных преступников» за связь с японской разведкой и участие в контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации просто убивали, а некоторых вывозили ночью на баржах в деревянных сараях, где истерзанные люди снова попадали в руки уже областного НКВД. По-тихому, бесшумно. Таким образом, был вывезен и ее Федор.

Годы шли, а Таня все не теряла надежду, она по-прежнему ждала. Девочки подрастали, но от этого не становилось легче. Помогать ей было некому, она надеялась только на себя. День она трудилась на службе, вечером забирала из сада близняшек, управлялась по хозяйству. А потом до глубокой ночи вязала носки, варежки, шарфы для отправки на фронт. Успевала еще плести кружевные салфетки и скатерти, накидки, их иногда удавалось продать. Бывало, нахлынут ночами воспоминания о Федоре, стиснут все сердце, так, что невозможно вздохнуть, непрошенный лунный свет загорится в глазах, Таня бросалась на колени перед иконой Бого-

матери, истово молилась, и потом ее постепенно отпускало. Спать она ложилась уже под утро. Ждала. Ждала того, кого уже давно нельзя было вернуть. Напрасные ожидания – нет ничего страшнее это осознавать. И если бы ей сказали, что Федор был убит через восемь месяцев после того, как его забрали, она бы не поверила. Но об этом никто не сообщал. А Таня не сдавалась, писала запросы, и только в 1960 году она смогла получить ответ с областного НКВД о том, что он был расстрелян в октябре 1938 года, в Иркутске, реабилитирован в июне 1958 г. Единственный ответ из прошлого, и годы напрасного ожидания и страха. Когда внуки спрашивали ее о бабушке, она говорила неохотно, продолжала все еще бояться, и просила обо всем молчать, она не надеялась на новое время и новое правительство. Жизнь прочно научила держать язык за зубами. А еще ей хотелось побывать на могиле дорогого ей человека, но в сведениях о захоронении было написано – похоронен в братской могиле Забайкальского округа, а ведь он большой, точного места никто не указывал. Даже здесь время распорядилось по-своему, не давая поклониться праху мужа.

Так и пролетело время Таниного вдовства, и старость уже неизбежно шла с ней рука об руку. Дочери давно были замужем, а теперь подрастали и внуки. В последние годы Таня очень сильно болела. Сказывались тяжелые годы «врагов народа», непомерные физические нагрузки и переживания отразились на сердечной деятельности. Но она по-прежнему

любила садить огород, выращивала очень хороший урожай огурцов и помидоров, иногда ходила на базар продать овощи, но больше для того, чтобы просто посидеть рядом с такими же, как она старушками. Многие из них были схожими с ней судьбами, и это как-то сближало, роднило. Торговля ее шла легко, так как овощи быстро раскупались и она, потихоньку, взяв свою тросточку, ковыляла до дому. Она уже не терзалась своими воспоминаниями, с годами боль притуплялась, и только в глубине глаз временами мелькал все тот же горький непрошенный лунный свет.

Татьяна умерла в ночь на Рождество. Дочери были с ней рядом, но она не могла уже говорить, а только смотрела глазами на родные и дорогие ее сердцу близких ей людей. У нее было спокойно на душе, потому что ее принимал тот мир, в котором находился ее незабвенный Федор...

...Память – это зов крови, она передается по наследству и остается в фотографиях, письмах, разговорах, воспоминаниях и архивах. От села Пивовариха, всего в трех километрах, находится мемориал жертв политических репрессий. Он был обнаружен в 1989 году. Внучка и правнук осторожно входят в ограду кладбища, и сразу в глаза бросается большой стенд с надписью: «Лес этот – бывшая спец-зона ГБ УНКВД. По всей площади, во рвах-накопителях, в отдельных ямах, сотнями, десятками и по одиночке покоятся останки родных и близких нам людей. Сегодня у них единственный друг – деревья, да зеленый ковер из трав и цветов. Берегите их дру-

зей, не тревожьте покой невинно убиенных». У внучки в руках живые белые хризантемы, а слезы просто наворачиваются на глаза, здесь невозможно идти просто так, здесь сама атмосфера проходит сквозь сердце. И в то же время, как гора скатывается с плеч, наконец-то найдено место, где был захоронен и их дед Федор. Пусть в братской могиле, но здесь, об этом сообщили её сыну в ФСБ по Иркутской области во время ознакомления с уголовным делом прадеда. Они проходят дальше по дорожкам, ведущим к расстрельным рвам. Хочется немного подняться над землей, чтобы не потревожить безвинно убитых людей, но надо дойти до Стены Скорби, чтобы возложить цветы и отдать дань памяти погибшим. И вот белые хризантемы покорно ложатся к подножию бетонной стены. С нее смотрят сотни фотографий, некоторые места зияют пустотой, их нужно заполнить именами тех, кто здесь погиб. Теперь остается только сделать именную табличку, ведь здесь последнее пристанище их деда. Они, молча, стоят у этой Стены. Здесь нет слов, не хочется ни о чем говорить. Все время стоит комок в горле. А безответная надпись на Стене вопрошает: «За что?»

А кто сможет на это ответить? История? Историю творят люди, а не звери. А, может быть, это было время в зверином обличии? Только хочется, чтобы это стало уроком для многих поколений, таким уроком, после которого нельзя совершить ошибку, потому что он уже пройден...

Уходили с кладбища осторожно, обходя страшные рвы с

беспредельно замученными перед смертью людьми. В душе растекалась простая человеческая жалость с саднящей болью, но они чувствовали, что отвоевали у времени память на поклонение своим предкам.

Большая ель, стоящая перед входом у самых ворот, как страж, скорбно склоняет свои ветки. Лунный свет и лес навсегда останутся немymi «свидетелями» преступлений тех страшных и поистине безбожных лет.

Вулкан

Посвящается моей матери Горбуновой Л. Ф.

Женщина шла торопливо по осенней, уже прикрытой листвой, земле. От быстрых шагов листья шевелились, источая терпкий запах лежалой влажности с примесью пряных трав. Она с удовольствием загребала их ногами и чему-то тихонько улыбалась. В её правой руке болталась небольшая авоська с батоном и двумя бутылками молока. Свободной рукой, поправляя выпадающую прядку волос из-под платка, и, слегка поеживаясь от прохладного воздуха, она пыталась получше укутать легким шарфом приоткрытое горло. Было не похоже, что несколько месяцев назад она отметила свое пятидесятилетие. Легкая походка все еще сохранялась, и только плавность и размеренность движений выдавали ее возраст. Она спешила к дочери и внукам, которые недавно переехали в новый дом. Мысли перескакивали с одной на другую, и в целом были позитивными, несмотря на проблемы перестроечного времени. Проходя по небольшому проулку, все еще в думах, она не заметила, как ей прямо под ноги выкатился маленький рыже-огненный щенок. Он побежал рядом с ней, виляя ярким хвостом, пытаясь ухватить из авоськи кусок батона. Она почему-то обрадовалась щенку, отломившая изрядный ломоть и с ладони накормила прибуды-

ша. Потом посмотрела по сторонам, недоумевая, откуда он мог появиться? Никто нигде не выходил, не звал собаку, не выглядывал в окна, и она пошла дальше, надеясь, что щенок сам вернется домой. Но чем дальше шла она, тем ближе щенок держался у ее ног, то забегая вперед, то тоненько потягивая, то пытался обнюхать резиновые боты. С ним было так весело идти, да и сам он напоминал кусочек солнца среди осеннего дня. Она внимательно вглядывалась в него, определяя его породу. Похоже, щенок был помесью лайки и колли. Загривок у него был длинный и вздыбленный, уши стояли торчком, а нос был вытянутым. Больше всего ей нравились его сливовые глаза. На вид ему было, примерно, месяца два-три, и скорее всего он должен был вырасти в большую собаку. Они уже шли по набережной, приближаясь к дому, щенок бодро бежал рядом, не отставая, как бы признавая в ней хозяйку. Ей подумалось, что же делать с ним дальше? Как встретит дочь, если я приведу в дом собаку? Старшему внуку было уже восемь лет, а три года назад у нее родилась внучка. Совсем недавно ее проводили на пенсию, и теперь она могла свободно помогать дочери по хозяйству и присматривать за детьми. Ну вот, наконец, показались знакомые окна с ярко-малиновыми и белыми геранями.

Новый дом был небольшой, но добротный. Ворота были выкрашены голубой краской и от этого сразу выделялись среди серой улицы. Она легко открыла калитку ипустила щенка во двор. Около дровяника Тая развешивала белье,

неподалеку от нее крутилась маленькая Рита, укачивая в игрушечной коляске куклу. Они обе обернулись на скрип калитки, а щенок уже со всех ног бежал к удивленной девочке. Тая и сказать ничего не успела, как он лапами встал на коляску и облизал изумленной Рите лицо и руки, а потом стал прыгать вокруг нее, как бы приглашая в игру. Обе женщины смотрели друг на друга, и одной из них нужно было принять решение. Тая заговорила:

– Мам, ну где же ты такого рыжего нашла, как огонь в печи! Вулкан, да и только!

– Вот Вулканом и назовите. Приблудился сам, не знаю, откуда взялся, а может быть и сам убежал. До самого дома за мной шел. А мне, сама понимаешь, держать собаку негде. Куда ж его теперь? Видишь, какой ласковый, накормить бы надо. А вечером Витя придет, будку смастерит и утеплит, а то зима скоро.

– Вечно, мама, ты с приключениями. В прошлый раз Черныша принесла, вон уже пятый год с подоконников не слазит. Теперь вот собака, а ее тоже чем-то кормить надо. Вите, уже который месяц на работе денег не дают, да и я недавно на работу вышла, но и у нас задержки с зарплатой тоже. Не знаю, что делать?

Щенок, как будто понимал, что решается его судьба. Он подбежал к крыльцу и улегся на первой ступеньке, а голову положил на лапы. Его сливовые глаза были влажными и жалобными. Маленькая Рита подбежала к бабушке, и сразу же

оказалась у нее на руках. Все вместе они смотрели на Таю, ждали ее решения. Она доразвешала белье, взяла таз и пошла в дом. Проходя мимо щенка, она нагнулась к нему и погладила по голове, сразу ощутив на руке шершавость мокрого языка:

– Ишь ты, Вулкан, значит будешь?

– Вуйкан, Вуйкан! – радостно закричала Рита и захлопала в ладоши.

Через несколько минут, Тая вынесла миску с супом и хлебом, и Вулкан жадно принялся за еду. Бабушка и внучка сидели рядом на лавочке и смотрели на нового члена семьи. Он ощущал на себе пристальное внимание, краем глаза охраняя свое пространство, но уже понимал, что никто не отнимет у него пищу, да и не обидит его. Этот момент навсегда врежется в его собачью память, как некая фотовспышка в сознании, как восприятие самого мира.

И вот потянулись годы его роста и взросления. А вместе с ним росли Рита и ее брат Толик. Через два года это была уже большая сторожевая собака, с оранжевым окрасом, с лохматым загривком и мохнатой белой манишкой. Вулкан с удовольствием играл с детьми, позволял расчесывать отлившую шерсть, а зимой даже возил их на санках. Хозяйку и хозяина он слушался беспрекословно. Виктор был для него непререкаемым авторитетом. Он часто брал Вулкана в лес по грибы и по ягоды, отчего тот всегда был доволен и предан ему. Но больше всех пёс любил Таю, особенно, когда она

приходила накормить его. Она ждала, пока он не вылизет всю миску, потом гладила его, и от её ласки веяло чем-то забытым и нежным. Ему жилось хорошо.

Весь мир Вулкана был небольшой двор и его обитатели. Иногда приходили друзья, родственники. Всех их он знал по шагам и запаху. А бабушка всегда приносила ему что-нибудь вкусное – остаток печенья или косточку, он ждал ее с нетерпением. Но случалось, что приходили и незнакомые люди, тогда Вулкан рвался с цепи, пытаясь остановить незнакомцев, и только окрик хозяев позволял ему расслабиться. Его никогда не отпускали на улицу одного, всегда кто-нибудь водил его на поводке. И хотя знали, что он никогда никого не укусит, все же держали его на привязи, уж слишком он был непредсказуем.

Но вот однажды хозяева засобирались в гости на торжество. Дети уже подросли и спокойно дома оставались одни. Весна наступила ранняя, и конец февраля выдался скользкими дорогами. Тая заранее накормила Вулкана, и нарядно одевшись, они с Виктором вышли из дома. Она помнила, что хорошо затворила калитку. Они уже прошли улицу, и вышли на центральную часть проезжей части, где сновали машины, как вдруг увидели, что сзади к ним приближается Вулкан. Оба недоумевали, как он оказался за оградой? Но потом все стало ясно, пес просто оторвался от цепи, на нем был только ошейник. Виктор подтвердил, что плохо стал работать карабин. Но делать-то нечего, надо идти дальше. А Вулкан, как

опьянел от свободы. Он бежал то назад, то вперед, то выбежал на дорогу, он никак не реагировал на автодвижение. Виктор устал его подзывать, а удержать было не за что. И тут на повороте вывернула машина, от неожиданности Вулкан бросился прямо под бампер, водитель попытался резко затормозить, но по скользкой дороге проехал еще несколько метров. Послышался короткий собачий визг и стон тормозов. Тая замерла на месте, у нее округлились глаза, непроизвольно открылся рот, чтобы закричать, но Виктор предупредительным движением остановил ее. Они побежали к машине, где взволнованный водитель пытался разглядеть Вулкана в радиаторе автомобиля. Кое-как общими усилиями, под матерную речь шофера, они вытащили скулящего пса и осмотрели его со всех сторон. Вулкан был сильно напуган, но без каких-либо повреждений, только на лапе была небольшая царапина. Тая все еще находилась в шоке, она гладила пса и была благодарна водителю, что он вовремя успел затормозить. Но тому было не до них, он все время ругал хозяев собаки, а потом заторопился, сел в машину и уехал.

Им нужно было возвращаться обратно. Виктор все еще держал оторопевшего Вулкана, и тогда Тая сняла ремешок от платья и приладила его к ошейнику. Настроение идти в гости отпало само собой. Придя домой, Тая рассказала детям о происшедшем, обработала собаке царапину на ноге, и позвонила друзьям о невозможности прийти.

Вулкан очень быстро поправился, в нем не произошло

никаких изменений, с учетом того, что он стал намного осторожнее и внимательнее, а его привязанность вызывала неподдельное удивление. От греха подальше Виктор увеличил высоту забора и купил новую цепь.

...Так прошло одиннадцать лет. Дети уже стали взрослыми. Толик учился на втором курсе института, а Рита заканчивала седьмой класс. Они очень любили доверчивого, преданного и стареющего пса. Когда Толик приезжал на каникулы домой, то всегда находил время, чтобы поговорить и приласкать собаку. А Рита, убегая в школу, частенько давала ему с руки кусочек сливочного печенья. Теперь это был уже маститый охранный пес. Его иногда отпускали побегать дома по ограде, а потом снова садили на цепь.

И все-таки иногда в жизни случается, то чего не только не ждешь, а даже не подразумеваешь вероятности происходящего. В последнее время стала прихварывать бабушка. Тая уже несколько дней вечерами после работы ходила проводить мать. Вот и сегодня она собрала немного гостинцев и, потрепав Вулкана за ухо, вышла за ворота. В самом разгаре стоял июль, солнце, казалось, облепило пространство со всех сторон, и так хотелось долгожданного дождя. От духоты Тая чувствовала себя не очень хорошо, давали знать о себе в последнее время перебои с сердцем. Она уже шла по дамбе, как вдруг у нее мгновенно потемнело в глазах, слабость ударила по ногам, и она стала заваливаться в сторону проезжавшей рядом машины. Тая не увидела, а скорее почувствовала, как

что-то мощное отбросило ее на асфальт, и тут же понеслось протяжное собачье скуление. Тая упала на колени, стараясь прийти в себя. Сзади к ней подбежали молодые парень и девушка. Они помогли ей подняться, наперебой объясняя, что ее от машины отбросила собака, но сама попала под удар, а потом спустились с дамбы, чтобы посмотреть, что стало со спасителем. Тая глянула вниз, и у нее заглодело сердце: рядом с ивняком лежал Вулкан, он все еще постанывал. Ребята помогли пса поднять наверх, остановили проезжающую машину и попросили отвезти его на ветстанцию вместе с хозяйкой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.